

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О М. В. БЕЛИНСКОЙ

Сообщение Р. Заборово й

Недоброжелательное, а временами и открыто враждебное отношение большинства друзей Белинского к его жене—Марье Васильевне, рожд. Орловой (1812—1890), способствовало тому, что о ней установилось чрезвычайно одностороннее мнение как о женщине ограниченной и якобы недостойной своего мужа. Характерно, что до самой смерти М. В. Белинской в 1890 г. ни один из биографов Белинского не считал нужным обратиться к ней за подробностями о Белинском, хотя она могла значительно обогатить ценнейшими сведениями недостаточно изученную биографию критика.

Публикуемые ниже документы, относящиеся к 1860—1883 гг., создают о М. В. Белинской представление как о натуре незаурядной, женщине глубоко принципиальной, с сильным характером, предельно скромной и всей душой преданной памяти покойного мужа. Оказавшись после смерти Белинского в совершенной нищете, с маленькими детьми на руках, Марья Васильевна поступила кастеляншей в Московский Александровский институт, где она до замужества служила классной дамой, на жалкое жалование. Жена великого критика, больная сама и с болезненной дочерью, жила впроголодь, в комнате, до того холодной, что вода иногда замерзала в графине¹.

Только в феврале 1860 г., т. е. через 12 лет после смерти критика, ей была назначена пенсия незадолго до того организованным Литературным фондом. В «Журнале заседаний Комитета Литературного фонда» от 15 января 1860 г. имеется следующая запись: «1. Секретарь общества А. Д. Галахов предложил Комитету оказать вспоможество семейству покойного В. Г. Белинского, которому так много одолжена русская литература тридцатых и сороковых годов. Семейство это состоит из жены, занимающей место кастелянши в Московском Александровском училище и получающей весьма небольшое жалованье, и дочери 13 или 14 лет, имеющей надобность в приличном воспитании.

Комитет поручил г. Галахову собрать точные сведения о получаемом вдовою Белинского содержании от правительства, имеет ли она действительную нужду в пособии и если имеет, то пожелает ли еще принять оное».

На заседании Комитета Фонда, от 17 февраля был окончательно решен вопрос о назначении пенсии:

«1) Секретарь общества А. Д. Галахов, которому, по определению Комитета (в заседании его 15-го января 1860-го), поручено было собрать сведения о положении семейства покойного В. Г. Белинского, представил полученные им письма как от самой вдовы Белинского, Марии Васильевны, так и от членов общества, находящихся в Москве: Н. Х. Кетчера, И. Е. Забелина, И. К. Бабста, Е. Ф. Корша и Н. М. Щепкина. В этих письмах значится: а) М. В. Белинская служит кастеляншей в Московском Александровском училище и получает жалованья 145 р. с. в год, которое не может обеспечить даже самых необходимых потребностей жизни; б) при Марье Васильевне находится дочь 14 лет, имеющая нужду в приличном воспитании, достойном имени и памяти отца её; в) здоровье Марьи Васильевны находится в совершенно расстроенном состоянии, что еще более беспокоит ее относительно воспитания и будущей судьбы ее дочери.

О п р е д е л е н о: Комитет, принимая во внимание особенные, выходящие из ряда обыкновенных заслуги покойного В. Г. Белинского литературе, на основании § 10 уст(ава), назначил вдове его, Марье Васильевне Белинской, постоянное пособие, т. е. ежегодную пенсию в шестьсот рублей, которую и положил выдавать за каждую треть года вперед, начиная с 1-го марта 1860 года. При сем определено написать г-же Белинской, что, независимо от этого постоянного пособия, Комитет считает своей обязанностью в случае какой-либо ее нужды всегда поспешить к ней на помощь»³.

Этой привилегией М. В. Белинская ни разу не воспользовалась, хотя болезненное состояние ее и дочери требовало дорогостоящего лечения за границей. Она продолжала служить кастеляншей до 1866 г.

В архиве Литературного фонда, среди разных официальных бумаг, касающихся вспомоществования Белинской, имеется только одна просьба М. В. Белинской о пересылке ей денег по новому адресу. Адресована она казначею Литературного фонда Борису Исааковичу Утину (1832—1872):

«Милостивый государь Борис Исаакиевич, сделайте одолжение, перешлите следующую мне пенсию от июля до ноября 1864 г. не в Москву, как Вы высылали прежде, а в Гапсаль, Эстляндской губернии, дом Грюнберг, М. В. Белинской; я теперь в отпуску в Гапсале, пользуюсь морскими ваннами, а в следующий раз прошу Вас попрежнему высылать мне пенсию в Москву, в Александровский институт.

Готовая к услугам

Марья Б е л и н с к а я

24 июня 1864 г.»³

Предпринятое К. Т. Солдатенковым и Н. М. Щепкиным в 1859—1862 гг. издание сочинений Белинского значительно поправило материальное положение М. В. Белинской. В июле 1865 г., получив предоставленный ей издателями доход с издания, она обратилась в Литературный фонд с заявлением, в котором благородно отказывалась от половины выдаваемой ей пенсии — «для того, чтобы другие неимущие литераторы и их семейства могли пользоваться остальной половиной». Приводим текст ее письма, адресованного на имя председателя Литературного фонда Е. П. Ковалевского (1809—1868):

«Милостивый государь

Егор Петрович.

В 1859 году, когда я находилась в стесненных обстоятельствах, Комитет Общества для пособия литераторам и ученым назначил мне такую ежегодную пенсию, которая превзошла мои ожидания. Она доставила мне возможность поправить свое здоровье и дать приличное воспитание дочери, как того желал ее покойный отец. Теперь средства к существованию моему улучшились, и хотя их нельзя еще назвать цветущими, однако же я считаю долгом отказаться от половины назначенного мне ежегодного пособия, чтобы другие неимущие литераторы и их семейства могли пользоваться остальной половиной.

Позвольте мне прибавить, что я готова отказаться и от всей пенсии, если это найдет нужным Комитет, к которому я всегда сохраню глубочайшую благодарность за пособие, которым я пользовалась в течение почти шести лет.

Примите, Ваше превосходительство, уверение в совершенном почтении и чувствительной благодарности

Вашей покорнейшей к услугам

Марьи Б е л и н с к о й

1865 г. Июля 30»⁴

Сверху рукой Е. П. Ковалевского написано: «2 августа 1865. Высылать половину пенсии».

Эта резолюция явилась следствием обсуждения письма в Комитете 2 августа 1865 г., в журнале которого значится:

«С л у ш а л и:

1. Письмо г-жи Белинской, в котором она сообщает, что положение дел ее улучшилось, что воспитание дочери, на которое в особенности выдавалась пенсия, окончено, благодарит за оказанное ей пособие и просит сократить пенсию на половину, а в случае затруднительного положения фонда и вовсе прекратить выдачу ее.

О п р е д е л и л и: принимая в соображение все обстоятельства г-жи Белинской, сократить пенсию, согласно ее желанию, на половину»⁵.

М. В. БЕЛИНСКАЯ

Фотография 1860-х гг.

Литературный музей, Москва

В черновике «Отчета о пособиях, оказанных Обществом в течение 1865 г.» сообщение об этом было тщательно исправлено Е. П. Ковалевским. Отчет представлялся министру народного просвещения Д. А. Толстому, который незадолго до того хотел закрыть Литературный фонд за попытку поддержать ссылаемого в Сибирь Н. А. Серно-Соловьевича. Сначала секретарем — С. П. Щепкиным было написано: «Пенсия вдове Белинской по ее просьбе вследствие улучшившегося ее положения сокращена на половину, т. е. на 300 р.». Это не было полным отчетом о просьбе Белинской, представлявшей Литературному фонду возможность совершенно лишить ее пенсии. Поправки, сделанные Е. П. Ковалевским, превратили эту фразу с упоминанием опасного

имени в еще более бесцветную, не бросающуюся в глаза канцелярскую формулу о том, что «пенсия вдове Белинской, согласно с ее заявлением об ее улучшившихся обстоятельствах, сокращена на половину, т. е. на 300 руб.»⁶. Эту половинную пенсию М. В. Белинская получала до конца своей жизни, и пометой о пожизненном пользовании ею кончается дело «О выдаче вдове В. Г. Белинского постоянного пособия».

Представляет немалый интерес обращение М. В. Белинской к Н. М. Щепкину (1820 — 1886) от 17 марта 1862 г., в котором она горячо протестует против намерения воздвигнуть общий памятник Белинскому и Добролюбову, незадолго до того скончавшемуся и похороненному рядом с Белинским:

«Милостивый государь
Николай Михайлович.

Вы говорили, да я и сама читала в журнале, что петербуржцы придумали поставить один памятник Виссариону Григорьевичу с Добролюбовым. Прошу Вас, сделайте одолжение, постарайтесь всеми силами воспротивиться исполнению такой нелепой идеи: неужели Белинский не заслужил даже особенной могилы, чтоб его прятать под один камень с Добролюбовым?

Если мое мнение в этом деле хоть что-нибудь значит, то я нахожу необходимым высказать его откровенно: мне кажется неприлично, даже обидно Белинскому, который жил и умер бедняком, лежать под богатым памятником; идея решетки тоже не совсем удачна: огородить можно не более как аршин в ширину и 2½ аршина в длину, так близко со всех сторон подходят другие могилы — что же это будет за клетка? И зачем же после смерти сажать в клетку того человека, которого ум и воля при жизни постоянно были в клетке?

Из 600 руб(лей), собранных на памятник Виссариону Григорьевичу, нельзя иметь такую стипендию, как в память Грановского, но можно в нынешнем мае, когда будут поступать в университет студенты, за троих из них, самых бедных, внести по 50 рублей, а так как курс продолжается четыре года, то на эти 600 рублей они могут в память Белинского получить образование. Неужели это хуже куска мрамора?

Вы часто видаетесь с Кетчером, переговорите, пожалуйста, с ним об этом.

Мой сердечный привет Александре Владимировне и горячий поцелуй Николаю второму (т. е. жене и сыну Н. М. Щепкина).

Если бы Вы, Николай Михайлович, уладили это дело по моему желанию, Вы этим очень бы утешили

душевно уважающую Вас

Марью Белинскую⁷.

17 марта 1862».

В 1883 г., после смерти И. С. Тургенева, М. В. Белинской снова пришлось решительно выступить против посягательств на могилу ее мужа.

В. П. Гаевский, Н. С. Таганцев, В. Д. Спасович и М. М. Стасюлевич, члены комиссии по устройству похорон Тургенева, совместно с Б. И. Утиным и П. А. Гайдебуровым, руководствуясь сообщением А. В. Топорова о том, что Тургенев просил «перевезти его, мертвого, в Россию и похоронить на Смоленском (описка: Волковом) кладбище возле Белинского»⁸, 10 сентября после панихиды собрались на Волковом кладбище выбрать место для погребения Тургенева. Возле Белинского место было занято могилой Добролюбова, но по распоряжению ранее приехавшего Григоровича памятник Добролюбова был сдвинут, и могила для Тургенева уже вырыта. Несмотря на это, друзья Тургенева, готовившие торжественные похороны с возложением венков и речами, нашли место недостаточно почетным и объявили, что похоронят Тургенева у самой соборной церкви. Для осуществления воли покойного было куплено все свободное пространство — на десять могил за 1500 рублей, причем решено было перенести сюда же прах Белинского и Добролюбова⁹.

15 сентября в «Русских ведомостях» появилось сообщение о том, что «могила Тургенева на Волковом кладбище выбрана около соборной церкви. Чтоб исполнить желание покойного, предполагается перенести туда же гроб Белинского»¹⁰. М. В. Белинская, прочитав это известие, пришла в страшное волнение и немедленно отправила протест

в Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым¹¹. Приводим его полностью:

«15 сентября в „Русских ведомостях“ было напечатано, что предполагают перенести прах В. Г. Белинского на другое место. Что же переносить-то будут?»

Другое дело, если б он похоронен был в свинцовом гробе, а от дощатого гроба в про- должение 35 лет и в такой сырой местности, как Волково кладбище, не могло остаться и щепочки.

Общество пособия литераторам и ученым в этом деле имеет голос предпочтительнее перед всеми прочими, поэтому умоляю Вас употребить все зависящие от Вас средства, чтоб воспрепятствовать подобному решению, как святотатству, и неужели же и по смерти не оставят в покое того, кто всю жизнь был мучеником? Неужели же, чтоб чествовать одного, необходимо оскорблять другого?

Если И. С. Тургенев желал быть похороненным возле приятеля своего Белинского, то и пусть исполнит желание его буквально. Тургенев не хотел и не требовал, чтоб Тревожили прах его друга. Обыкновенно, когда переносят прах усопшего, то берут во внимание волю и желание близких родственников, и я, как вдова Виссариона Григорьевича, протестую против перенесения его праха: теперь, по крайней мере по памятнику, который я над ним поставила, все почитатели его знают и посещают его могилу, чему доказательством служат постоянные венки на ней*, а тогда место, где был похоронен Белинский, будет забыто и затеряно навсегда.

Если Вы найдете мое заявление неуместным, то значит Вы не хотите понять чувства глубокой скорби, овладевшей мною.

Примите уверение в истинном почтении

Марьи Белинско й

Москва, Большая Бронная,
дом Андреева, № 21-й¹².

Для ответа письмо было передано В. П. Гаевскому, как главному устройтелю похорон И. С. Тургенева.

В дневнике, хранящемся в его архиве, под 19 сентября [1883 г. записано: «Получено письмо М. В. Белинской, которая умоляет общество употребить все средства, чтоб воспрепятствовать перенесению его праха», а под 20 сентября — что он «послал Белинской успокоительное письмо и просил ее о доставлении писем Тургенева к ее мужу»¹³. Гаевский, очевидно, убеждал Белинскую согласиться на перенос праха Белинского, ссылаясь на то, что место, где он похоронен, «и бедно и неказисто». Белинская в ответном письме настойчиво и твердо заявляет о своем неизменном желании оставить прах там, где он находился, справедливо возмущаясь бесцеремонными и оскорбительными действиями либеральных друзей Тургенева:

«Милостивый государь
Виктор Павлович,

Желание мое и решение неизменны. Пусть прах Виссариона Григорьевича остается там, где покоился 35 лет, истинные же поклонники его и там сумеют найти его могилу, а что место, где он похоронен, и бедно и неказисто, то это не только не вредит, напротив больше идет к тому, кто не имел удачи ни при жизни, ни по смерти. Если бы в продолжение 35-ти лет воспитали хотя одного бедного ребенка в память Белинского, то этим гораздо больше почтили бы память покойного, и это было бы больше в духе Виссариона Григорьевича, чем все предполагаемые овации и манифестации, а впрочем если есть усердие и желание поставить Белинскому памятник, то пусть делают это где угодно, только не тревожили бы его могилы: для других это вопрос тщеславия, для меня — святыхня.

* По моему заказу его ставил монументальный мастер Долгин в июне 66-го года, от него я имею и расписку и рисунок памятника, а прежде этого памятника мною же был поставлен простой серый камень; живя в Москве, я все сделала, чтоб могила В<иссариона> Г<ригорьевича> не была затеряна.

Писем от Ивана Сергеевича Тургенева к Виссариону Григорьевичу было очень немного, потому что все время знакомства они жили в одном месте и часто видались не по одному, а и по два раза в день: с 43-го по 47-й год в Петербурге, а весну и лето 47-го года за границей.

Все письма к Виссариону Григорьевичу от его знакомых и родных и все оставшиеся после смерти его бумаги во время издания его сочинений я передала Николаю Христофоровичу Кетчеру, а он и до сих пор не возвратил мне их, несмотря на мои неоднократные напоминания об этом.

Примите уверение в истинном почтении

Марьи Белинской

Москва,

22 сентября 1883 г.»¹⁴

Письмо это было получено Гаевским 25 сентября. В тот же день он записывает в своем дневнике: «Белинской я никогда не видал, но, по отзывам знавших ее, она препротивная и отравляла последние годы жизни мужа. По словам М. А. Языкова, он много терпел от нее, но никому этого не показывал». Далее Гаевский приводит грубую эпиграмму на М. В. Белинскую, якобы написанную Тургеневым и полученную Гаевским также от М. А. Языкова¹⁵.

За неприкосновенность могилы Добролюбова, гроб которого устроители похорон Тургенева также вознамерились перенести вместе с гробом Белинского в более «благородную» часть кладбища, вступился М. А. Антонович, в длинном письме от 18 сентября 1883 г. умолявший А. Н. Пыпина воспрепятствовать «чудовищной затее нескольких непризванных господ, самозванных литературных старейшин, которые дерзают нарушать покой дорогого для нас праха и под видом оказания ему любезности оскорбляют и унижают его... делают Добролюбову честь, переводят гроб его из пятого разряда в первый, из плебейской части в аристократическую... в угоду и во уважение к третьему лицу». Выражая мнение демократов-разночинцев и в первую очередь Н. Г. Чернышевского, он, как и М. В. Белинская, возмущался намерением перенести на аристократическую часть кладбища того, кому «место не среди знатного богатства, а среди отверженной бедности...»¹⁶

Своим энергичным вмешательством М. В. Белинская сумела отстоять от бесцеремонных и оскорбительных посягательств неприкосновенность могилы великого плебея Белинского — могилы, столь дорогой русскому народу.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Е. Семенов. «Беседа с дочерью В. Г. Белинского». — «Новости», 1898, № 108 от 21 апреля/3 мая.

В начале 1849 г. Мария Владимировна Станкевич сообщала из Москвы своим братьям:

«... Жена Белинского здесь с двумя детьми <дочерями Ольгой, родившейся в 1845 г., и Верой, родившейся в ноябре 1848 г. и вскоре умершей>. Ей дали в Институте должность кастелянши с 300 р. асс. жалованья в год. Маленькому ребенку только несколько месяцев! Мне очень хочется их видеть. Наталья <Беер> говорит, что ее обстоятельства так плохи, что она готова решиться расстаться с детьми!! Это не совсем вероятно, потому что в ее пользу была сделана подписка на ежегодное пожертвование» (Не издано. Автограф. ЛБ. Из бумаг Станкевичей (М. 8421/36). — Сообщено Л. Р. Ланским).

² Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Архив Литературного фонда, № 1, лл. 25—25 об., 39—39 об.

³ Там же, № 23, л. 23.

⁴ Там же, № 15, л. 110—110 об.

⁵ Там же, № 3, л. 18.

⁶ Там же, № 17, л. 6 об.

⁷ Институт русской литературы АН СССР. Архив. Шифр — 3115. IX. С. 138.

⁸ Письмо А. В. Топорова к М. М. Стасюлевичу от 18/30 июля 1883 г. — в кн. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. III, СПб., 1912, стр. 262.

⁹ См. об этом публикацию Г. Никольской «Из дневника В. П. Гаевского». — «Красный архив», 1940, № 3, стр. 230.

¹⁰ «Русские ведомости», 1883, № 253.

¹¹ 16 сентября М. В. Белинской была также отправлена телеграмма на имя петербургского митрополита Исидора, с мольбой о запрещении переноса праха Белинского (Институт русской литературы АН СССР. Архив, ф. 377).

¹² Отдел рукописей ГПБ. Архив В. П. Гаевского, № 24.

¹³ «Из дневника В. П. Гаевского». — «Красный архив», 1940, № 3, стр. 231. Гаевский был редактором «Первого собрания писем Тургенева», изданного Литературным фондом в 1884 г.

¹⁴ Отдел рукописей ГПБ. Архив В. П. Гаевского, № 24. Несколько строк из этого письма передала, перефразировав их, А. В. Орлова в письме в редакцию «Русского богатства» («Русское богатство», 1895, № 2, стр. 180) и в своих воспоминаниях (см. «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948, стр. 408).

¹⁵ Там же, № 316, л. 4. Ср. «Звенья», I, 1932, стр. 187—194.

¹⁶ Отдел рукописей ГПБ. Архив А. Н. Пыпина, п. «М».